

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алир Громов

**Громовержец –
Пробуждение стихии**

«Автор»

2026

Громов А.

Громовержец – Пробуждение стихии / А. Громов — «Автор»,
2026

Невыдуманная история о "сексе, боксе и джазе", развернувшаяся на просторах альтернативной вселенной. Магия, заказные убийства и путь наемного убийцы к вершинам власти.

© Громов А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Алир Громов

Громовержец – Пробуждение стихии

Глава

Пролог

Питер – особый город.

Город художников, поэтов, музыкантов, актёров.

Город бездарей с раздутым ЧСВ и непомерным эго. Нах@й некого послать – интеллигента обидишь.

Яркие, броские, громкие и раскрепощённые от наркоты и алкоголя – каждый первый не понят «тупыми, приземлёнными современниками, каждый второй обижен «коррупционерами от искусства».

Чем более бездарен носитель неоценённого таланта, тем вычурнее его внешний вид. Видишь фрика – знай, перед тобой гений и жертва режима.

Так было в 90-х, так было в нулевых, так есть сейчас – меняется качество алкоголя, который хлещет эта кухонная богема, и наркота, от которой она погибает.

Люблю этот город. Авторитетно заявляю: лучший город в мире для нелегалов, киллеров и маньяков. Попробуй спрятаться в пустыне, затеряться в сосновой посадке – любое движение привлечёт внимание, любое несоответствие привлечёт взгляд наблюдателя.

Питер – это джунгли. Перемазанный кровью, грязью и дерьмом мужик в рваной одежде может пройти от ДЛТ до Львиного мостика, и никто его не остановит.

Зачем? Ведь он орёт наизусть Ахматову, пританцовывает, а в руке у него скрипка без смычка, которой он себе дирижирует.

Он не киллер, которого чуть не зачистили после исполнения объекта, – он человек искусства, вот так вот он самовыражается.

На рассечённый пулей висок – треуголка из газеты, где в качестве плюмажа торчит пипидастр. Чтоб скрыть простреленное плечо – наматываем тогу из цветастой занавески. А кровь смыть не нужно, бессмысленно, размажем равномерно, и вот ты уже не окровавленный типок, а синьор Помидор, обожающий поэзию. А скрипка – ни что иное, как кейс для ТТ.

Конечно, ну кто будет тормозить такого пипидастра... если на каждом углу через весь Невский и Садовую – кучки танцующих, поющих и творящих высокое искусство пипидастров.

Кстати, расчленёнка, каннибализм и сплав улик в «грибанал» – это тоже своего рода визитная карточка и форма самовыражения для некоторой недооценённой части служителей «Мельпомены». Хотя на моей памяти был и служитель Клио, любивший побаловаться расчленёнкой.

Люблю Питер – но маньяки, извращенцы и прочие психи подосрали. Из-за них последние годы с маскировкой можно и переборщить. Кидать пакеты в реку – палево. Тащить большие сумки, сам будучи не в образе «руссотуриста», – палево. Пила – палево. Топор – палево. Маньяки – зло, бесплатно бы исполнял.

Время. Я поднялся, закинул на плечи рюкзак с инвентарём и стал пробираться по прилепившимся к фасаду дома лесам до нужного мне окна. Хозяйка квартиры ужинала, сидя спиной к открытому на проветривание окну.

Тук-тук, к вам пришли – плохая идея пользоваться беспроводными дверными звонками, хулиганё с копеечным сканером задолбает гонять вас к двери, если вдруг вы чем-то им насолите.

Жму на кнопку устройства, и мадам, удивляясь, кто бы это мог быть, идёт к двери. Спустя тридцать секунд я в квартире. Спустя ещё полторы минуты укладываю на пол бесчувственную тушку вернувшейся на кухню леди. Укольчик для крепкого и счастливого сна, и слегка фиксируем конечности скотчем, на всякий...

Документы в руку, махровый халат, потёртые шлёпки на босу ногу, бороду и парик слегка взлохматить, придавая домашний вид. Погнали. Открываю дверь на лестничную площадку, звоню несколько раз соседям и неторопливо иду к «своей» квартире. Вопрос в интерком: «Кто там?» – не «слышу», шагаю в квартиру и уже закрывая дверь, останавливаюсь, повернувшись на голос.

– Извините.

– Мужчина, что вы хотели? В дверях квартиры напротив – двухметровый кадр, смотрит внимательно, правая рука за дверным откосом, левая придерживает дверь.

– Добрый вечер, я сосед ваш, Андрей меня зовут. Муж Ольги.

– Эмм, да. Что вы хотели, Андрей?

– Да передали анкеты по ЖКХ, вчера ещё просили заполнить нас и вам передать. Я забыл, извините. А сегодня их уже сдать нужно, не могли бы вы сейчас заполнить? Я бы сразу и отнёс старшей по дому. А то неудобно вышло. Тут немного. Про лифт, про мусор...

– Хорошо, давайте ваши анкеты.

Иду через площадку, протягиваю листы с вопросами. Забирает.

– Вы как заполните, пожалуйста, сразу занесите мне, я пока тоже своё заполню.

Не сводя с меня глаз, берёт бумаги, закрывает дверь. Дело сделано, шаркаю тапками, слетает тапок, обнажая босу ступню. Чувствую, наблюдает. Захожу в «свою» квартиру, закрываю дверь.

Ждём-с. Ждём-с – это наше всё. Ждём-с – это самое сложное. Ждём-с – выкручивает нервы неизвестностью, выжигает адреналиновым отходняком силы. Достāju электронную книгу, читаю про Гарри Поттера. Минус сорок минут, долгий мужчина. Наконец звонок в дверь. Перед дверью – сосед, в руке исписанные листы. Открываю. В одно движение – правой жму на спусковой крючок упёртого ему в грудь ПБ, левой, уцепив за халат, тяну клиента на себя. Дозвуковые пули не проходят насквозь, труп в квартире, всё чисто. Обыскиваю, мужчина на опыте, в кармане халата – ПСМ.

Выхожу, иду в его квартиру, там второй объект и запись видеонаблюдения с лестничной клетки. Хлопаю дверь.

– Лёш, отнёс? – иду на голос. Второй объект – женщина лет сорока пяти. Исполняю. Чищу. Возвращаюсь в исходную квартиру. Чищу. Переодеваюсь. Переношу спящую хозяйку на кровать, развязываю. Раздевать не стал, не знаю, как она спит. Есть шанс, что не поймёт, что с ней произошло, подумает, что сама прилегла да заснула. Авось удивится трупу, спрятанному под кровать, как можно позже, время за меня. Время приберёт то, что я пропустил, затрёт, запылит, притопчет следы и биоматериал.

Ухожу тем же путём, что вошёл. Спустился по лесам, пересёк Гороховую, пара проходняков. Переодеваюсь в подзагулявший бомонд, выхожу на Гривцова, и через квартал снова в проходняки. Снова перешмот, лишнее аккуратно кладём возле мусорки, завтра (точнее, уже сегодня) с утра уже подшопит кто-нибудь. По Антоненко на Казанскую...

Люблю по утрам сидеть на балконе с видом на Неву. Прохладный ветер с Финского, движуха напротив в Адмиралтейских верфях. Кофе в термокружке и криптокошелёк в руке, пополнившийся на десять битков, – приятно. Мои услуги недёшевы, десятка – минимальная ставка за несложную работу. Верхнего предела нет, как нет и невыполнимого заказа. Я способен гарантированно отработать любую цель, вопрос лишь в уровне риска для меня при отходе. К примеру, генерал спецслужбы на четыре из десяти потянет. Презик, скажем, Пиндостана – семь, там из страны припотеешь уходить. Наши юго-восточные партнёры – твёрдая девяточка.

Наш первый – никогда и ни за что: ну, во-первых, я за него голосую, а во-вторых, шанс на исполнение – ниже двадцати процентов, шансов уйти нет, совсем нет. Спецназ ФСО, СБП, личная охрана – мастера уровня бог, уж поверьте, я бывших коллег знаю. Бррр, даже думать не хочу, да и «дед» у нас зачётный, я за него сам кого хошь исполню.

Глотнул слегка подостывшего кофе и зажмурился, повернувшись к восходящему над Эрмитажем солнышку. Люблю звуки просыпающегося города. Стук трамвайных колёс. Жужжание...

Чуйка взвизгнула почти на уровне реальной слышимости. Ни мгновения на раздумья. Ногой толкаюсь от перил балкона, опрокидываясь вместе со стулом назад в дверной проём. Перекат в сторону – и взрыв на балконе. Осколки стекла, дым, занавески, обломки оконных рам. Бросок через всю квартиру к чёрному входу на кухне. Позади надсадное жужжание – и снова взрыв, на этот раз в самой квартире.

Сука. Сука. Сука. Как на меня вышли? Где накосячил? Между двойными дверьми, в потолке – хитрый лаз на чердак. Очень нужная вещь, если тебя ждут на лестничной клетке чёрного хода. А они ждут, в три ствола обложив дверь квартиры, только два глазка из четырёх у видеофона погашены, я молодец. Забег по чердаку, пласт стекловаты в сторону, ещё один люк – и я в квартире отхода.

Одеваюсь, наблюдая в мониторы суету у дома. Оба входа в квартиру обложены, четыре группы по три человека, броники, автоматы. Неужели фейсы? Не может быть... Как? Они же меня не брали, тупо, грязно, шумно минусили. Бред. Выбираться. Всё потом.

На нос – толстенные очки, под плащиком – «горб», в руку – трость. Выхожу из квартиры, пересекаю лестничную клетку, открываю ключом дверь квартиры напротив. Коммуналка на девять комнат, здесь я вот уже шесть лет снимаю комнату. Прохожу через квартиру на кухню.

– Здравствуйте, Андрей Евгеньевич, – соседка готовит кашу.

– Доброе утро, что за шум был, у меня чуть стёкла не повывлетали.

– Это не у нас, в первой парадной, что на набережную выходит. Я из булочной шла, полиция внизу, людей эвакуируют. Ужас.

Открываю дверь чёрного хода, мусорные вёдра в сторону, вторую дверь. Что-то вслед говорит соседка. Отвечаю, что сейчас вернусь, чтоб не закрывала на крюк.

Спускаюсь, выхожу во двор-колодец, пересекаю его, пересекаю сквер в следующем колодце, и через проходняк выхожу на Большой проспект. Пересекаю и его, и неспешно ковыляю по парку. Какого хуя? Что, блядь, это вообще было? Покупаю шаверму. Надо пожрать. Еда успокаивает.

Надо валить из города, здесь любая конспиративная квартира может быть скомпрометирована. Ближайшие лет пять сюда ни ногой, в тину. Отлежаться, осмотреться, выявить утечку и зачистить – всё просто. Не в первый раз. Вот в начале нулевых было тяжело уйти с крючка. Ни денег, ни нынешнего опыта. Уходил, оставляя шлейф из трупов, валя своих и чужих. Сейчас всё проще.

Через парк вышел на Средний, и направился к светофору. Обернулся на громкий возглас и успел увидеть мопед с синей формой доставщика. Удар выбил из лёгких воздух, мир кувыркнулся, и уже лёжа на асфальте увидел колёса несущегося на меня мусоровоза. Погас.

1 ГЛАВА

В себя пришел рывком, как включили. Жив – уже хорошо. Глаза не открываю. Вокруг тишина, тихий писк и гудение. Похоже на медицинское оборудование. Видимо крепко досталось, и я в реанимации. Лежу, не двигаясь. Слушаю. Пытаюсь ощутить наличие рядом людей. Постепенно гоняю по телу импульсы, силюсь оценить, в каком состоянии организм. Боли не

чувствую, конечности отзываются, но полноценно двигаться опасаясь, дабы не выдать себя возможному наблюдателю.

Минут через сорок – движение воздуха и легкое шуршание. Женщина – легкий аромат духов. Провела какие-то манипуляции, судя по тянущему ощущению на коже, поменяла банку в капельнице. Опа, ее-то я не заметил. Постояла. Ушла. Судя по всему, в палате я один.

Слегка приоткрываю глаза, из-под опущенных век стараюсь рассмотреть палату, не двигая головой. Камер не наблюдаю. Наручников нет, да и охраны не видно. Двигаюсь. Как ни странно, самочувствие прекрасное, тело работает. Осматриваю себя и ох@беваю в голос. Я другой. Я не я. Срываю с себя датчики, капельницу, одеяло и в чем мать родила бросаюсь к висящему в углу на стене зеркалу. Что за... Ааааа... Из последних сил борюсь с накрывающей меня панической атакой. Дверь распаивается, вбегает медсестра, тип классического докторского вида и явный "сапог" в белом халате поверх форменного обмундирования.

– Илья Александрович, что случилось? Зачем вы поднялись? Вам необходим покой.

Откуда? Своего настоящего имени я не слышал уже лет пятнадцать. Но в зеркале не Я. Точнее, Я, но... Падаю на колени, обхватив голову руками, и истошно ору – паника все-таки меня накрывает. Чувствую суету, меня тащат на кровать, что-то говорят, мягко, но настойчиво удерживают в несколько рук. Чувствую укол в плечо.

Снова прихожу в себя рывком, как и в прошлый раз. Сознание ясное, все прекрасно помню и осознаю. Открываю глаза. Напротив кровати на стуле сидит девушка лет двадцать, медсестра или сиделка.

– Илья Александрович, вам чем-то помочь?

– Пить.

Берет бутылку, открывает, наливает в стакан и собирается поить меня с руки. Забираю.

– Спасибо, я сам. Простите...

– Ирина.

– Ир, не поверите, ничего не помню. Подскажите, что со мной и где я.

– Имперский Институт Скорой Помощи. У вас произошла спонтанная магическая Инициация, и вас доставили к нам. Временная частичная потеря памяти и дезориентация при инициации в вашем возрасте – это нормально. Не переживайте. Доктор вам все расскажет. Возле палаты дежурит боец вашего Рода, если хотите, я позову его.

– Не надо. Все хорошо. Ир, вы сказали, в моем возрасте... А в каком я возрасте? – давлу лыбу. – И что у меня за род?

Она улыбается снисходительно и терпеливо, как ребенку.

– Вам шестнадцать полных лет. Двадцать пятого октября исполнится семнадцать. Вы из Рюриковичей. Простите, но это все, что я знаю. Я принесу вам ужин и сообщу дежурному врачу, что вы проснулись.

– Простите, Ира. Мне бы новости посмотреть.

– Хорошо, если доктор разрешит, после обхода я принесу вам "Импком".

Минут через десять я уже наяривал гречу со свиной, а столик на колесах ломился от другой снеди – кормили тут на убой.

Периодически вскакивал, смотрел в зеркало и снова садился есть.

Версии произошедшего лезли в голову одна бредовее другой.

Информации пока не хватало, но и от имеющейся чердак просто дымился. На данный момент выносящим мозг было то, что в зеркале я видел СЕБЯ. Шестнадцатилетнего Себя. Молодость – это хорошо, но в голове пятидесятилетнего циничного прагматика уложить подобную информацию было непросто.

Вскоре притопал доктор. Точнее, сразу три. Дядечки с серьезным видом допросили меня в стиле: "Как животик? Что жуете?" Похмыкали, удивились чему-то, покивали, пожелали благ и, откланявшись, сообщили мне, что завтра мои родичи смогут меня забрать.

Еще спустя минут пять девчуля в белом принесла мне... ноут, обозвав его Импкомом. Ну, погнали. И я погнал и охренел. В сухом остатке спустя два часа я худо-бедно понимал, куда меня занесло, если, конечно, допустить, что окружающее не является глюком лежащего в коме меня любимого. Не то чтоб я прям вот всегда верил в параллельные миры, но в целом и фантастику почитывал, и чисто логически не отрицал их возможного существования. По сему, смириться, что где-то существует параллельный мир с альтернативным развитием истории и не слабым магическим фоном, труда мне не составило. Судя по всему, долбаный сушивоз со своим поделником мусоровозом ушатали меня наглухо.

Помирать окончательно я отказался, но взял да и вселился в свой дубль из другого измерения. На мое счастье, местный я загнул, не выдержав перегрузки при магической инициации. Жаль паренька, конечно, но похоже, в этом случае либо он, либо я. А при таком раскладе пардоньте... До ночи мучал местный интернет на предмет политики, географии и т. д. Увлекательно – что еще скажешь. Поискал в себе магию – не нашел. И завалился спать.

– Мальчишка опасен. Он Рюрикович. Последний прямой Рюрикович. Какого Ваала он ещё жив?

– Без дара он был ничто, шанс, что с бездарем свяжется сильная одарённая, минимален. Да и рисковать, связываясь с ним, дураков нет. А уж чтоб у бездаря и одарённой родился Одарённый мужского пола... Ну кто мог предполагать, что он иницируется в шестнадцать лет, да такое бывало, но выжили единицы, и опять же остались магическими и физическими инвалидами, ибо при инициации каналы сгорали начисто.

– Реши вопрос! В империи не должно быть двух династий. И мне плевать, что думают Романовы.

– Вызывали, Александр Христофорыч? – невысокий мужчина в плаще гражданского образца заглянул в кабинет.

– Заходи, Аким, докладывай.

– Всё подтвердилось, Ваше Сиятельство. Парень прошёл инициацию и выжил. Мало того, состояние на пять, каналы едва читаются, иницировался как младенец. Сначала, конечно, было худо, и думали, помрёт от кровоизлияния, целителя-мага рядом не оказалось, пока привезли в больницу, думали, отошёл... Врач говорит, реанимацию проводили уже просто по инструкции... а оно возьми да и... в общем, ожил, каналы не задействовал, так и очнулся... как есть, как младенец иницировался. Нарушена память, но в сеть вышел, справился быстро, значит, восстанавливается.

– Что князь Кропоткин? Он ведь у юного Рюриковича в опекунах? Обрадовался небось, что родственничек одарённым стал? – и хозяин кабинета громко и заразительно засмеялся.

– Рвёт и мечет, Ваше Сиятельство. Кропоткин ждал, дожидаться не мог, когда Ильюшке Рюрику восемнадцать стукнет, и его можно будет как простолюдина прижать да без порток оставить. А теперь всё. Хе-хе-хе! Ушли денежки, только то, что он на содержание недовыдаёт, да там гроши.

– И много там у Ильи Александровича?

– Миллионы, Ваше Сиятельство. Только в Имперском банке по счетам более пятидесяти миллионов золотом.

– Ого, завидный жених. Может, Ольгу мою за него просватать? Как думаешь? – и Бенкендорф, начальник III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, снова засмеялся.

– Рискованно, Ваше Сиятельство. Император превратно понять может. Нашепчут, мол, Юрика растят и усиливают с целями...

– Даже и озвучивать не смей. Шучу я. А мальчишку жаль. Пережуют, затравят. Перемелют, бросая в жернова интриг. Помяни моё слово. Ты вот что, пришли-ка ко мне человека надёжного из группы по особым поручениям.

Князь Кропоткин, сидя в своём шикарном кабинете, слушал доклад своих ближников. Доклад не радовал.

– Демидовы требуют полного расчёта по поставкам, они знают, что мы не в состоянии расплатиться... видимо, будет предложение...

– Думаешь, хотят наложить руку на наши Уральские предприятия? – князь скривился. – Говори, Фома Андреич.

– Боюсь, не только Уральские, им нужен весь металлургический комплекс, возможно, имеет место сговор, и нас намеренно вели к этой ситуации, уж больно гладко. Отказ шведов забирать броневики, пожар на складе запчастей и брак, заставивший крупнейший отзыв в нашей истории делать... не бывает таких совпадений, Дмитрий Сергееч.

Князь поднялся и, заложив руки за спину, прошёлся по кабинету. Невысокий, ниже среднего роста и с парой десятков лишних килограммов, он был похож на доброго толстого дядюшку. Гладко выбритые щёки на широком лице придавали сходство с весёлым хомяком. Толстые пальцы, унизанные перстнями, домашний халат, огромная залысина на половину головы, обрамлённая седыми волосами – ничто не выдавало в этом человеке одного из двенадцати официальных Абсолютов Российской Империи. Умный, хитрый, он давно и успешно скрывал свою истинную личную мощь, большинство конкурентов и врагов привыкли считать могущество клана Кропоткиных заслугой их юристов и экономистов.

За глаза Кропоткиных называли купцами даже союзники. Очень немногие в империи знали истинную силу князя, да и те считали его «дутым Абсолютом» с давно= разрушенными магическими каналами, слишком давно Кропоткины не вели крупных Родовых войн, предпочитая все вопросы решать в Имперском суде.

– Вот что, Фома Андреич, подготовь мне доклад по всем финансовым уязвимостям тех, кто по твоему мнению задействован в этой афере, – дал распоряжение князь своему финансовому советнику.

Фома был некой противоположностью князя. Худой, с узким лицом и длинными седыми волосами, собранными в хвост. Маленькие хитрые глазки на добродушном лице, похожем то ли на суслика, то ли на хорька. Одевался он неброско, но очень дорого. Колец на пальцах было меньше, чем у князя, зато заколка на галстук была явно магическим артефактом.

– Что у вас? – князь посмотрел на двух других присутствующих здесь же людей: советника по безопасности Артёма Исаича Бортника, высокого мужчину с военной выправкой, и главного юриста Рода Александра Васильевича Паскевича.

– По линии безопасности ничего нового. Действуем по плану. Делаем вид, что всё запущено, сократили несколько отрядов гвардии, потихоньку переводя их на предприятия на Урал, работают под грузчиков и прочий неквалифицированный персонал. Небольшую часть уда-

лось внедрить в потенциально недружественные рода. Проводим чистку и проверку личного состава. Рутин, Дмитрий Сергеевич, работаем.

– У меня тоже всё под контролем. И не стоило отрывать меня от дел ради ваших сборищ. Юристы пашут, с Артёмом мы на связи, любая новая информация от «наших друзей Демидовых и ко» сразу через юр отдел и в суд, – подхватил третий.

Главный юрист рода был самым старшим из присутствующих, ему давно перевалило за сотню лет, он служил ещё отцу нынешнего главы Рода. Александр Васильевич Паскевич был сух, худ, имел сварливый характер и абсолютную память. Козлиная борода не скрывала старческих морщин, а глаза смотрели зло и холодно. Паскевич не любил никого из присутствующих, но являлся лучшим юристом империи, и был бесконечно предан роду. За то и держали.

– Хочу вам также напомнить, молодые люди, что кроме Демидовых есть и другие стервятники. И на вашем месте я бы не забывал о том, что вы наиболее близкая к Рюриковичам ветвь, и Романовы этого никогда не забудут. А уж то, что последний прямой потомок прошёл инициацию, должно на нашем роду нарисовать мишень размером в футбольное поле. Мальчишка ОПАСЕН. Для всех! Для Империи! Думайте! Думайте Ваша Светлость... – и старик, не прощаясь, пошаркал к двери, прихрамывая и держась за поясницу.

Его провожали с улыбками. Этому человеку в Роду прощалось многое, а внешняя немощь не могла обмануть тех, кто знал, что он второй Абсолют в роду. И тринадцатый в Империи, при том не учтённый в реестре одарённых

2 ГЛАВА

Утро началось не с кофе, а с гостей. Незванных, сука. Не знаю, что меня разбудило раньше – взвизгнувшая чуйка или лёгкая кутерьма в коридоре перед дверью в палату, но когда спустя несколько секунд там всё стихло, я был на ногах. Дверь приоткрылась, и первой в образовавшуюся щель показалась рука с пистолетом. ??? ЧТО??? Я оскорблён, господа. Будем учить. Удар в дверь ногой, вопль по ту сторону. Падаю на пол. Подхватываю ствол, лёжа на спине, прижимаю ногами дверь и трижды спускаю курок. Незнакомое оружие не подводит, и по ту сторону двери слышу возглас и хрип. Перекат в сторону. И над тем местом, где я только что лежал, проносится сорванная вместе с косяком дверь, толкаемая волной пламени. Две пули в дверной проём. Вскрываю и бросаю тело в ванную комнату. Тупик, но вариантов нет.

Разворачиваюсь и вижу человека, вошедшего в палату. Снова стреляю. С такого расстояния я промахнуться просто не умею... Кажется, я даже вижу удары пуль в его силуэт... Улыбается, поднимает руку и снова волна пламени, оно заполняет всё вокруг. Я вижу, как сгорает шторка душевой, лопается от жара зеркало над раковиной, как пламя обтекает мою рефлекторно вытянутую вперёд руку... Бьёт в лицо. Я готов ощутить весь спектр боли, но ещё до того, как мозг начал задавать ненужные сейчас вопросы, тело уже рвануло вперёд. За мгновение преодолев разделявшие нас полтора метра, всем весом влетаю в оппонента, выношу стволом пистолета передние зубы и, уже впечатав его в пол, трижды спускаю курок. Секунду сижу верхом на труп, разглядывая содержимое его черепной коробки.

– Хм. Похоже, останавливать пули и одновременно шмалять огнём вы не умеете. Ну или ты не умел, чувачёк.

Подняться на ноги реально не могу. Меня колотит. Палата плывёт. Заваливаюсь набок, «ловлю вертолёт».

Очнулся в машине. Одетый. Рядом дядечка. Безопасник, рубль за сто. Серьёзный – вижу по глазам.

– Очнулся, Илья Александрович? – улыбается.

– А не должен был? – ворчу, мне всё ещё хреново.

– Не хами, – он хмурится и пристально смотрит в глаза.

– А то что? – пробую сделать тот же фокус, как в пламени... ну типа щит из воздуха, или что там было... Голяк, не выходит.

– А то накажу, – улыбается.

– Ага, наказал один такой – до сих пор перед глазами, как живой стоит. – Смотрю прямо в глаза, сквозь. Не сливается, выдерживает взгляд.

– Разберёмся.

Через несколько минут подъезжаем к высоким металлическим воротам. Гудок, и они поползли в стороны. За воротами парковая зона, прудик и массивное трёхэтажное здание посередине участка. Вытянутые стрельчатые окна, башенки с зубцами по углам и фигуры снайперов, угадываемые за этими зубцами моим намётанным глазом. Кучеряво.

Входим в дом.

– Иди в свою комнату, князь скоро тебя вызовет. Умойся, переоденься.

– Э, слышь. Как тебя там? Вениамин.

– Артём. Для тебя Артём Исаевич. Если не уймешься, пожалеешь. Здесь тебе не твоё завшишленное имение в Александрове, и я тебе не селянка-нянька, кухарка, давалка, кем ты там ещё помыкал, ваше благородие?

Подхожу к нему вплотную. Зараза, росточком я не вышел, в этой шайбе росту метра два, а я и до своих прежних сто семьдесят пять пока не дотягиваю. Хрен с ним. Задираю голову, чтоб смотреть в глаза.

– Если я захочу, ты будешь и кухаркой, и нянькой, и давалкой, иша... – от удара под дых меня снесло через весь не маленький холл. Сложившись вдвое на мраморном полу, силюсь вдохнуть. Стальная по ощущениям ручища подхватывает за ворот и ставит на ватные ноги. Не держат. ВисЮ. В смысле вишу. Перехватывает за шею, на мгновение мне показалось, что руку безопасника остановило давешнее воздушное нечто... Артём ухмыльнулся, сдвинул сильнее пальцы, и прозрачная прослойка лопнула, пропустив его руку. Я захрипел.

– Слушай сюда. Для меня ты не Рюрикович. Не Крапоткин. Не княжич. Вообще никто. Мне твой гонор вообще до одного места. Веди себя тихо, скромно, не доставляй проблем и проживёшь чуть дольше, чем тебе предрекают. Понял меня? – произнёс он это спокойно и даже с некоторой ленцой.

– Я мог только сипеть в ответ.

– Кивни, если осознал, – я моргнул глазами в знак согласия. Придурок, как я кивну, если ты мне своей лапой башку зафиксировал, злобствовал я про себя, отдуваясь на полу.

Так-то я хотел ему сказать, что не помню, где была моя комната. Но что-то пошло не так. Поймал проходившую мимо девчулю, видимо прислугу, и попросил показать, где я тут обитаю. Оказалось, на третьем этаже в башне. Прикольно. Довольно просторная комната с отдельным санузелом. Отделка в старинном стиле, высоченные потолки, книжные и платяной шкафы. Возле шкафа чемодан и расстёгнутая сумка. Хм. Похоже, моё? Ну типа прошлого я – моё. Охх... Вещи не разобраны, значит, я только что приехал... из Александро-ва? Даже вещи не успел разобрать, как скукожило магической инициацией. Ладно, будет день – и будет... что-то да будет.

Ближайший час я ковырялся в барахлишке. Парень был модником, куча шмотья, на вид не дешёвого. Нашлись и парфюм, и цапки, перстни, цепочки, запонки. Походу, отсутствие магии местный Я компенсировал пафосом. Из барахла оставил спортивный костюм, явно не ношенный, два отличных костюма-тройки и рубашки. Нижним бельём побрезговал, да и всё остальное – не мой фасон. Банковские карты. Пластиковое У. Л. – приколы, а в технологиях-то они нас даже слегка опережают. Гаджеты – позже разберёмся. Фиговина в кейсе, типа пистолета, угловатое нечто, похожее на глок, но складывающееся в ровный прямоугольный брикет. Разобраться не смог, экспериментировать в помещении не стал. Фото потрясающе красивой женщины, на обратной стороне подпись: Анна Рюрик-Меньшикова. Мать? В сумке обнару-

жился длинный тубус, внутри которого был меч, ну или шпага, фиг его знает, я не специалист. Фехтовать не умею, но вещь прикольная, на рукояти герб, возможно, фамильный. Раскидав-шись с барахлом, принял душ и переоделся.

– Привёз?

– Так точно. На месте. Отправил мыться и переодеться.

– И как он?

– Ершится. Я, конечно, особенно пообщаться с ним не успел, но по докладам из Алек-сандрова я его другим представлял.

– Что в больнице произошло?

– Да ничего неожиданного. Покушались на него. Я приехал, когда всё уже закончилось. Наш дружинник перед смертью успел подать сигнал тревоги, но там был маг, и шансов у него не было.

– Ну и кому мы обязаны спасением родственничка? – князь Крапоткин недовольно поморщился.

– А никому, княже. Юный Рюрик сам справился. – Безопасник развёл руками, демон-стрируя одним жестом и удивление, и восхищение. – Положил не одарённого стрелка и усиле-ние в виде мага класса Воин минимум. Вырубился от натуги, но... положил.

– Ого. Как? Видео есть?

– Нет. В палате запись не велась. По записи в коридоре видно, как снимают нашего дружинника. Подошли вплотную, маг зажал его своим доспехом, а стрелок в упор пальнул в сердце. А вот с парнем не вышло. Он смог обезоружить стрелка и расстрелял того из его же оружия. Маг сразу ударил «пламенным потоком». Что происходило в палате, не понятно, но, видимо, парень как-то активировал ментальный доспех, вошёл в клинч и тупо вынес магу мозги из пистолета. Как-то так...

– Что с полицией? Уладил?

– Да всё хорошо. Быстренько бумажки чиркнули, пообещал взять у парня объяснения и переслать им. Им самим этот геморрой не к чему. Лишь бы Тайная Канцелярия не возбуди-лась, всё-таки нападение на аристократа. Но не думаю. Не в этот раз. Зачем им вокруг ТАКОЙ фамилии шум поднимать. Сами и затрут всё по-тихому.

– Предположения? Кто?

– Установочные на мага уже есть, отдал своим – копают. Стрелка пока определяем. Поли-ция выяснит, я буду знать. Пока ждём. Предположений делать не буду, вариантов... Ну ты сам понимаешь, княже.

– Собирай клан. Совет будет. Наталью не дёргай, усиль охрану имения и пускай с дев-чонками сидят в Крыму. Лёшку тоже не надо, рано ему, учится пускай, в академии он как у императора в кармане – сухо, тепло, безопасно и денежки рядом звенят. – Хором смеются.

– Андрея со старшим его зови.

– Андрея вызову, а вот внука вашего не получится, неделю назад в Хабаровск отправили в составе первой Имперской армии, батальон магподдержки доверили. Китайцев к порядку гнут.

– Данила молодец. Смена растёт. Наследник. Ты вот что, с завтраком там пришли, а через полчаса и этого... «узурпатора», – довольный своей шуткой князь засмеялся в кулак и мах-нул рукой, отпуская безопасника.

Едва оделся, стук в дверь. Ожидал увидеть садиста свет Исаевича, но вошёл дедушка – божий одуванчик. В строгом костюме, с гербом рода на груди. В руке трость с массивным

набалдашником, если я в чём-то разбираюсь – набалдашник из платины. Если взглянуть на трость под другим углом, то и не трость она вовсе, а вполне себе кистень. В общем, добрый дедушка с ласковым взглядом и «головоломкой» в руке пригласил меня вежливо пройти с ним до князя. Кабинет у главы рода оказался зачётный. Отделка морёным дубом, книжные шкафы в потолок, оружие, портреты – всё по классике.

– Вызывали, ваше преподобие? – старик за спиной тихонько прыснул в кулак и, зашаркав, исчез за дверью. Князь, который ни грамма не был похож на князя, вскинул брови и уставился на меня в недоумении.

– Ты, сердечный, и правда умишком подвинулся? А я думал, шутит Артёмка, наговаривает на родственничка любимого. Ай, ай!!! Бедствие-то какое, а я уж понадеялся... Думал, слава богам! Стал родович магом. В силу да возраст войдёт, род свой восстановит и освободит меня, грешного, от бремени заботы о нём и опекунства. Ан нет. Вижу – болезный ты. Клиника для скорбных умом по тебе плачет, ну а мне так до самой смерти и тянуть на себе заботы о состоянии твоём, физическом и хе-хе... материальном. —

Я прямо скажем несколько притух от такой накачки. Давненько меня в какашки так с чувством не макали. Прямо вот от души.

Стою, молчу – грустно плачу соплёй. Смотрю на хитрую и довольную физиономию князя. Ощущаю себя школьником. Стыдобища, на шестом десятке второй раз за день выгляжу, да и ощущаю себя малолетним кретином.

– Что загрустил? Садись. Говорить буду. А ты слушай, потому как – не услышишь, твоя забота. Скрывать не стану, я приказал доставить тебя из Александрова, чтоб к семейному делу приставить. Пару годков обучить, а потом, как совершеннолетия достигнешь, капиталом твоим влиться в род Крапоткиных. Не думай, всё по чести было бы, я не вор. Но не судьба. И теперь... – князь задумался, потирая мясистый подбородок.

– Не знаю, что теперь. Но гонор свой умерь. У тебя друзей и так нет. Не надейся. Так вышло, что остался ты один, и мне как ближайшей ветви, родственной Рюрикам, императором доверено опекунство, и то была награда... – Он снова замолчал и выдохнул: – а стало наказанием.

– Почему? Что изменилось? Если я без магии был полезен для рода своим наследством, то почему я с магией перестал быть хорош? У меня что, отнимут деньги?

– Жизнь у тебя отнимут, – выдохнул опекун. – Можно быть Рюриком... Можно быть одарённым... Одарённым Рюриком быть нельзя! С тех пор как Романовы вззошли на престол, свергнув твоего прадеда, всего-то триста лет прошло. А из могучего рода остался один мальчишка, да и то потому, что до вчерашнего дня был бездарем. И это при том, что Романовы на даре клялись не преследовать Рюриков, если те присягнут новой династии. Понял?

– Понял, – киваю.

– Сомневаюсь, мальчик. Ты вот сейчас подумал, что будешь сидеть тихо, слушаться маму. Прости, не хотел. – Князь помолчал. – Дело ведь не в «плохом» Романове. Дело в тех, кто не даст тебе сидеть «тихо». Дело в тех, кто не даст Романовым забыть о тебе. Твоя смерть невыгодна сейчас только двум родам. Мне – ради денег. И Романову – ради спокойствия в империи. Остальные будут стараться использовать тебя. А потом убьют. Или сперва убьют, а потом будут использовать...

– Как флаг, – киваю. Князь удивлённо поднял на меня глаза.

– Соображаешь. И манипуляторов будет, поверь мне, сильно больше одного, как и схем, и комбинаций. И по итогу всем, и даже тем, кому не выгодна твоя смерть, проще тебя убить, чтоб разрубить завязывающийся узел у самого основания. Понял? – молча киваю, на самом деле охреневая от кутерьмы, в которую попал.

В целом, с князем пообщались неплохо. Дядька он мутный, но вроде как смерти мне не желает. Во всяком случае, прямо сейчас. Договорились, что ограничивать меня ничем не будет, но просил сильно не подставляться.

Через три недели мне надлежит явиться в Москву в МАМ – Московскую академию магии. Все одарённые поступают туда в обязательном порядке с шестнадцати лет. Обучение длится пять лет.

Академия – самое безопасное место на планете, и князь очень просил не умереть за те три недели, что остались мне до поступления. Также глава рода сообщил, что теперь ежедневно мне придётся учиться первоначальным навыкам управления магией, чтоб совсем уж диким не выглядел. Я уж было приуныл, подумав, что тренировать меня будет безопасник... Пронесло... В учителя мне определили старика... дворецкого? Как я и подумал изначально, «добряк с головоломкой» совсем не прост.

Короче, после завтрака означенный дед, представившийся Игнатом, повёл меня на арену. Арена представляла собой круглую яму диаметром пятьдесят метров, глубиной семь. Как объяснил дядька Игнат, в бетонных стенах вмурованы артефакты, создающие барьер, усиливающий сами стены и накрывающий яму куполом для защиты зрителей. Входов в арену было два, по одному из них мы и спустились.

– Ну, показывай, чего можешь, – и старик хитро улыбнулся, оперевшись двумя руками на трость.

– Дак собственно ничего... Пробовал как-то магичить, но...

– Вышло только посрать? – он откровенно забавлялся.

– Ну типа того... Я вообще не понимаю, что надо делать, ну там заклинание шепнуть или пальцами щёлкнуть. У меня из знакомых ни у кого дара не было.

– Забавный ты парень. И что, в империи никогда не видел, как другие одарённые работают? И дуэли магов не смотрел? – Голову набок склонил старый мухомор и смотрит с ехидной ухмылочкой.

Что за Род-то такой? Я, конечно, не специалист, но какие-то они тут все хитровыделанные. Князю, которого на улице встретишь, так только за «весёлого молочника» принять можно, восемьдесят пять лет оказалось. А на вид он моложе меня прошлого. Сколько же тогда этому? Слуга, а с князем на «ты» и мальчиком его называл, сам слышал. По-другому я, конечно, представлял подобный мир, когда читал про попаданцев.

– Да, вот такой я отсталый. Учить будешь или хихикать тут собрался над целым будущим главой рода Рюрик? – вылил я на деда ведро пафоса и высокомерия.

– Ха-ха-ха, – звонкий смех старика напрочь дисгармонировал с его видом. – У нас тут цельный будущий князь. – И как же обращаться к вам, о княже... Светлость? Или может Сиятельство? – он внезапно оказался вплотную и сбил меня с ног простейшей подсечкой. – Покажи, как с убийцами в больнице справился, – и он больно ткнул мне в бедро тростью.

– Эй, хорош, – я попытался сделать «подъём прогибом», и неожиданно у меня получилось. Но не успел порадоваться отличной форме молодого тела, как снова оказался на земле, сбитый с ног очередной подножкой. – Дед, задолбал. Ты учить меня будешь или издеваться? Я сейчас просто уйду. Иди на х@й с такими тренировками. – Я ему щас точно ушатаю. Понятно, дед непрост, чего-то там умеет, и полюбому мне навалает, но я ему вье...

– Так делай что-нибудь, или ты думаешь, что я имперский магический сканер? Ты должен проявиться. Магически проявиться, я ведь даже не знаю направления твоего дара.

– Так и скажи, – меня уже реально потряхивало от злости.

– Ты мелкий, тупой, избалованный... Что я должен тебе сказать? – и он снова одним рывком оказался рядом, подсечку ногой я отбил, но его трость всё же подсекла мне ноги, а плечо снесло на землю.

– Я не буду вставать, или учи нормально, или зови адекватного кого-то, или пошёл на хер, старый извращенец... – а я ещё на Артёма грешил, что он садист. Меня так не унижали примерно никогда. Мне случалось и за меньшее убивать по молодости, в девяностых спускать кому-то оскорбление было чревато ещё большим унижением, и как вариант, смертью. Больше всего раздражала беспомощность и полная потеря контроля. Я реально ощущал себя неопытным малолеткой, не способным разрулить банальную ситуацию и только всё больше косячащим. Что бы я не делал, это было глупо, и я сам это понимал. Хотелось себя здесь «поставить», а получалась дикая хрень.

– Хорош, Игнат, стой. Давай подумаем, проанализируем бой в больничке.

– Давай, – удар тростью по голени.

– А-а-а, да стой ты, – снова удар, теперь по другой ноге. Пытаюсь вскочить, но снова оказываюсь на земле. От доброго старичка не осталось и следа. Передо мной монстр. Либо машина, либо психопат. Ни тени эмоций на сморщенном лице, ни проблеска сочувствия. Я знаю этот взгляд, так смотрит на мир ликвидатор, отсекающий чувства, эмоции. Киллер никогда не убивает людей, он исполняет объект. Иначе нельзя. Иначе рано или поздно пуля или дурка. Надо валить, причём валить не кого, а откуда.

Трость уже прилетает не только по конечностям, острый наконечник рассёк бровь, едва не войдя в глаз. Бросаюсь к лестнице, но не тут-то было. Я снова на земле, и снова удары. Закрываю голову руками, летит уже в основном в неё.

– Пора заканчивать, – я уже весь в крови, опускаю руки и смотрю на стоящего надо мной палача. Он поднимает трость, и на её наконечнике загорается шаровая молния размером с апельсин. – Прощай, юный Рюрик, приятно осознавать, что наконец я ставлю точку в войне с твоим родом. – Молния срывается, бьёт... и рассыпается в нескольких сантиметрах от моей головы. Не успеваю удивиться, как прилетает второй удар. Зарывав, Игнат схватился за тонкий конец трости и стал бить в меня платиновым наконечником. При каждом ударе с наконечника в мою защиту били молнии. Невидимая броня мерцала и гасила весь урон, то ли отбивая, то ли растворяя в себе. Удары сыпались один за другим, я пытался, прикрывая обожжённые вспышками глаза. Не знаю, сколько прошло времени, минуты или секунды, он бил, я держал... держал...

– Я понял, – в изнеможении падая на колени, не в силах поднять головы, я повторил: – Я понял... – понял и чего добивался старик, и что должен делать сам. Я научился ставить щит. Точнее, ментальный доспех.

– Вот, теперь поговорим и проанализируем, – улыбнулся Игнат, который, судя по всему, даже не вспотел. Он уселся на землю прямо передо мной. – Запомнил ощущение? Как в тебе оно зарождалось? Что это было? Как бы ты описал тот момент, когда включал доспех? На самом-то деле ты включил его один только раз, в первый, и потом он был на тебе. Но от страха ты «включал» его на каждый удар. Так что это было???

– Толчок. Это был толчок, – я едва дышал, захлёбываясь слюной и хрипами в бронхах.

– Подробней.

– Толчок отсюда, – я ткнул себя пальцами под диафрагму. – К коже, во все стороны, и мурашки. – Не помню, когда я был настолько счастлив. Даже не предполагал, что первый осознанный магический успех вызовет такие чувства.

– Запомни это ощущение, – он ударил без молнии, просто посохом в лицо, а я успел. Просто лёгкий толчок – посыл, и посох остановился в трёх сантиметрах от моего носа. – Хорошо, убирай. Да не пялься на меня так, просто пожелай. Убирать проще. – И он засмеялся.

– На сегодня хватит. Умаял старика, в сто тридцать три года мне на завалинке в Казанском имении господина сидеть надо, а не на арене пыль поднимать.

– Ну и как он? То, что раскрыл ты его, я понял. Каков потенциал?

– Сложно сказать. Стихию его мы покамест не знаем. Не гневайся, надЁжа князь, дай срок слугам своим, всё исполним. – Глаза Игната смеялись.

– Я серьёзно. Прекращай всё в балаган превращать. У нас кризис, если ты не заметил. И без мальчишки хватает проблем, про Демидовых чудеса слыхал ведь? Наверняка с Паскевичем обдумать успели. – Широкое лицо князя налилось краской, но злость ему совсем не шла, и выглядел он не страшно, а комично.

– Ну, ну. Успокойся, Дима. Молодой ты ещё, иначе знал бы, что кризис он всегда есть, не тот, так другой. И не будет Демидова, появится Юсупов.

– Да всё я знаю. Навалилось просто. Что с мальчишкой делать, вот ты мне скажи. Нас ведь разорвут, и двух абсолютов не хватит, если навалятся. – Князь отхлебнул из пол-литровой чайной кружки.

– Авось не разорвут. А с парнем ничего делать и не надо. Твоё дело маленькое: в имении защиту дал? На содержание ему переводил исправно? В академию отправишь вовремя. А остальное не твоя забота. Поддержи, приласкай. Выживет – почёт тебе и уважение, может, и он не забудет. Ну а не выживет... не судьба... Ближайшие два года он даже не Рюрик, он Меньшиков. А что там будет в 18, станет ли род восстанавливать? Разрешат ли? Что он там с этим родом делать станет? «Не суетитесь под клиентом», Дима. Пойду я, у меня за обедом с Паскевичем партия в шахматы, всё надеется отыграться. – Игнат поднялся и направился к двери.

– Постой. Так что там у парня с даром-то? Не темни, я же вижу, что сияешь ты как... трость твоя.

– Полторы минуты держал доспех под атаками уровня Воин. А первую так и вовсе – Витязя, удержал.

– То есть, он уже сейчас...

Тсссс... Посмотрим... Пойду я, Дима.

Пока дошёл до дома, отдышался окончательно. На углу, под башней, меня поджидала миловидная девчуля, которая проводила меня в помещение на первом этаже, оказавшееся чем-то вроде лазарета. Там меня передали на руки другой девчуле. Хм. Для меня прошлого – пятьдесят плюс, дедушки, она девчуля... А сейчас – вполне себе тётяшка лет за тридцать. Ну, здравствуй, друг мой, когнитивный диссонанс. В общем, меня раздели до трусов и уложили на кушетку. К сожалению, без всякого сексуального подтекста. Минут двадцать обрабатывали боевые раны, затем дали накинуть халат и поместили в нечто вроде гроба-солярия. Минут пять гроб гудел, гоняя мне по телу щекотку, тепло и мурашки... А потом выгнали. Сообщив, что синяки сойдут полностью к вечеру, а ссадины и рассечения – к завтрашнему утру, и порекомендовали плотно покушать. Пообедать – это мы завсегда. Вот только где-нибудь в городе. Жди меня, новый мир. Сейчас мы тут всё прове-е-е-ерим.

Собираясь я недолго, подхватил документы, баблишко и новую карту, выданную князем. Блин. Забыл потестить прибуду типа пистолета. Брать с собой неизвестный агрегат не хотелось, а без оружия в свете событий в больничке... Да плевать... Разберёмся. Пока шлёпал к воротам усадьбы, сзади меня нагнал реальный лимузин. Затормозил рядом, и выскочивший водила открыл передо мной дверцу.

– Илья Александрович, я ваш личный водитель и охранник. Олег, – представился высокий, рыжий, короткостриженный парень, осыпанный веснушками по самые уши.

– Ты маг? – спросил я сходу бодигарда, памятуя, как легко убрали ни в чём не повинного охранника в больнице.

– Так точно, ваше... – парень замялся.

– Да забей, я сам не знаю своего статуса, хоть преосвященством зови.

– Как скажете, Илья Александрович. Да, я одарённый. Пока только Воин, возможно, к ратнику, не аттестовывался в этом году.

Я запрыгнул на заднее сидение, и мы погнали. А ничего буржуи живут. Мне не довелось ездить в своём мире на лимузинах... только взрывал дважды. Но этот мне прям вот понравился. Кнопочки, пультики, бухлишко, я так заигрался, что неизвестно с какого раза отреагировал на вопрос Олега.

– Куда едем, ваше благородие? – видимо, всё же определился он с моим статусом.

– Да мне бы одеться сперва, а потом пообедать. Невский? Давай на Гостинку.

Я смотрел в окно, ловил флешбэки. Как будто вернулся после долгих лет отсутствия. Этот Питер был больше похож на тот, ещё советский Ленинград из моего детства. Он был более... настоящим? Последние годы город в моём мире всё больше становился декорациями, плохой копией самого себя. И вот я видел его воскресшим. Современным, неузнаваемо странным – но вместе с тем родным, знакомым, естественным. Мы проезжали Аничков мост.

– Олег, останови. Дальше я пешком. – Выхожу. Олег выскакивает и даёт визитку.

– Телефон у вас с собой? – Киваю.

– Запаркуйся в районе Гостинки или Казанского собора, – недоумённо смотрит. – Здание напротив... Через квартал после Гостинки, на Грибоедова... ааа, на Екатерининском канале... на берегу речки с кучей колонн...

– Имперский Суд. – Трясёт головой, смотрит как на убогого. Вот гад, аж настроение испортил.

– Всё, езжай. – Топаю мимо Имперской канцелярии, Аничкова дворца, в Екатерининском сквере рубятся в шахматы. Да ладно. Я туда. Реально. Все лавки заняты. Хожу. Стою. В воздухе разлита магия, я прямо чувствую это. Не знаю как, но понимаю, что это именно магия. Вот она какая. Неожиданно седой старикан, за спиной которого я остановился, обернулся и посмотрел на меня. А затем встал и поклонился. Его компаньон по шахматам замер с фигурой в руке.

– Денис Васильевич??? Вы знаете этого молодого человека? – Ни сколько не обращая внимания на эту реплику, старик взял меня за руку и, приблизившись к уху, прошептал:

– Наследник в восемнадцать лет

Империю в руке сожмёт,

А Узурпатор и палачь,

В гиене огненной уснёт!

Ни фиги себе экспромт, я и ответить ничего не успел, как старик уселся на своё место и, казалось, тут же забыл о моём существовании, как и его соперник. Ну что ж, стишок, конечно, занятный. Смысловая нагрузка пахнет в моём случае провокацией, но с другой стороны, каких только чудаков не встретишь, даже в том – старом, насквозь прозаичном и циничном мире. Погуляв несколько минут по скверу, я пошлёпал к Гостинке.

Часами шопиться я не люблю, потому набрал себе ходового барахла – джинсы, рубахи, кроссы да трусов с носками, вызвал Олега и сбавил ему кульки, а сам потопал искать, где бы подкрепиться. До самого Казанского ничто меня не соблазнило, потому, вспомнив один рестик на Казанской, 7 из моего мира, направился проверять... И о чудо, «Старгород» оказался на месте. Понеслась. Лагер, вепрево колено... Вскоре заиграла живая музыка.

Я так увлёкся сибаритством, что не заметил, как за соседним столиком разместилась шумная компания молодых людей и девушек примерно моего возраста. Хм, моего нынешнего возраста.

Народа в ресторане было уже много, поэтому большого стола им не досталось, и компания из четырёх парней и шести девчонок разместилась за столом, рассчитанным на шесть. Им было явно тесно. Они шумели, смеялись, задевали меня, извинялись, потом в какой-то момент мы развернули, сдвинули наши столы и оказались за одним столом. Потом был вечер,

мы гуляли, и я орал: – Я шёл по Невскому гулять, навстречу ветер дул колючий, в кармане было три рубля, и х... стоял – на всякий случай!

– Фи, какой моветон! – смеялись девчонки, а парни пытались запомнить слова. – Потом я остался в компании двух «непарных» девчонок, их звали Лиза и Ольга, или наоборот... Хе-хе-хе. Потом мы пили вино на брудершафт за знакомство и целовались с Ольгой, а потом и с Лизой... ну или наоборот... Потом проводили Лизу домой, и я узнал этот дом на Неве. Особняк Румянцева. И как ни странно, Лиза, тоже как и особняк, была Румянцева. Она взяла мой телефон, вбила туда свой номер и поцеловала меня на глазах... офигенно больших глазах открывшего ей двери дядечки. Из глубины дома послышался рык: – Елизавета Дмитриевна, соблаговолите...

Дослушивать мы с Ольгой не стали, а сбежали, свернули на площадь Труда, здесь она называлась Малой Луговой, и припустили по ней. Потом мы долго целовались на Поцелуевом мосту. А потом Оленька сказала пьяненьким голоском, срывающимся от поцелуев:

– А вон мой дом. – И показала на Юсуповский дворец.

– Двухэтажный? – с надеждой переспросил я.

– Да нет, глупый, это же наши конюшни. Вон тот, с колоннами. – Ну прикольно, чё. Похоже, кто-то влип. Интересно, чем наградят того, кто приведёт в час ночи пьяную княжну с обсосанными до красноты губами.

– Пойдём, я провожу тебя.

– Стой, дай телефон. – И она тоже вбила мне свой номер, подписавшись Ольга Юсупова. Потом сделала прозвон и, сохранив мой...

– Илья... – она захихикала. – Кто ты, Илья? Хи-хи-хи.

– Меньшиков, – хватило ума сказать мне фамилию матери. Не помогло.

– Меньшиков??? О-о-о, те самые опальные Меньшиковы? А разве вас не??? – И она бросилась мне на шею с новой порцией поцелуев и восторженными охами.

– О, я пойду за тобой в опалу, мой бунтовщик. – Она была в стельку. До дворца я тащил её практически на руках. Точнее, последние метры в прямом смысле на руках. Отогнал мысли бросить на крылечке как младенца-подкидыша и слинять, и уже поднимался по ступеням, как двери распахнулись и вышли двое гвардейцев. Я поставил... Попытался поставить княжну на землю, она пьяно захихикала и стала заваливаться, тут уже подскочили бравые вояки рода и приняли у меня ношу. Я развернулся к дороге, когда меня окликнули.

– Стоять! Сюда иди! – Ага. Щаз! И я ломанулся в сторону Почтамтского моста. Наверное, меня бы догнали, но неожиданно рядом притормозил лимузин со знакомым гербом. Я даже дверь не открывал, просто на щучку нырнул в открытое окно с пассажирской стороны.

4 ГЛАВА

– Таким образом, Ваше величество, с учётом первой армии группировка на Дальнем Востоке усилена втрое. Перевес в пользу китайцев остаётся пятикратным, и думаю, они всё же клонут. В данный момент по оперативным каналам сливается информация, которая должна вскрыть хотя бы часть их агентуры у нас. Это должно стать ключом к началу операции «Цугцванг». Последняя информация и детали здесь. – Бенкендорф положил на стол перед императором папку с документами. – Руководство по линии военной разведки непосредственно на генерале Истомине. Я лично, по своей части. Круг допущенных минимален.

– Как считаешь, Александр Христофорович, сдюжим? – Император посмотрел на друга тяжёлым взглядом. – Сам понимаешь, в случае неудачи мы либо теряем весь Дальний Восток, либо наносим ядерный удар... – Он встал, подошёл к окну и молча смотрел на солнце над Москвой-рекой.

– Сдюжим, Ваше Величество, в войска выехали Суворовы. Весь Род, им такой мизерный перевес противника даже унижен. В операции «Цугцванг» задействованы лучшие специалисты. Ударным подразделением командует младший Кропоткин. Молодой, опыта немного, но магический и тактический гений.

– Хорошо. Это хорошо. Что там у Кропоткиных с подопечным? Инициировался всё-таки?

– Так точно.

– Да брось ты козырять, Саша. – Романов повернулся, посмотрел на собеседника. – Зашевелились под корягами?

– Пока нет. Была попытка устранить парня в больнице. Прямых доказательств нет, но есть основание подозревать основную ветвь рода Меньшиковых.

– Им-то чего неймется? – Император недовольно вскинул бровь.

– Какое-то время назад агентура доложила, что Меньшиковы прощупывают юридические возможности стать наследниками состояния Рюрик. В своё время они вышвырнули из клана Анну Меньшикову-Рюрик, когда она родила наследника. Перестраховались, и сами-то в опале, а тут ещё и Анька рождает от Рюрика. Но мальчишка оказался бездарным, и, нося их фамилию, в теории мог бы вернуться в Род, ну и, конечно, принести вместе с собой своё состояние, полученное по линии Рюриков. На этой почве столкнулись интересы Меньшиковых и Кропоткиных, которым ты доверил опеку. Агентура поднята, наблюдаем. Думаю, что Меньшиковы это понимают и после неудачного покушения на время затихнут.

– Как тебе сам мальчишка? – Император прошёлся по библиотеке, где принимал главу Имперской Безопасности.

– Пока особо сказать нечего. Обычный подросток, ничем себя не проявил. Типичный провинциальный аристократ-бездарь. Комплексы, эго, глупый, надменный. Посмотрим, как его изменит дар. Не думаю, что в лучшую сторону: поздно он инициировался, тёмные стороны души станут темнее, а светлым откуда взяться – вырос уже. Будем стараться подвести к нему оперативников и взять под полный контроль. По итогам разработки сделаю доклад, но боюсь, будет он представлением на устранение.

– Ты не торопись. Сам понимаешь... «Людоед Романов ест детей на завтрак»... Нас народ на вилы поднимет. Не та ситуация, чтоб давать врагам такие козыри. Что по АРТЕФАКТУ?

– Пока ничего нового. Если он где-то и есть, то светить им до сего момента было бесполезно и равносильно отдать тебе и соответственно усилить. С появлением «Активной Крови» может всплыть и артефакт. Держим парня под контролем и ждём.

– Хорошо. Работай, Саша.

Как же офигенно быть молодым. Ухлестаться в щи, лечь в четыре утра, а проснувшись в восемь, чувствовать лёгкий дискомфорт...

Меня переполняла энергия и жажда действий. Даже не помню, когда я испытывал это чувство. Душ, разминка, бой с тенью. Тело молодое, гибкое, довольно спортивное, но правильной мышечной памяти ему явно не хватало. Круг бегом по периметру имения. Спортплощадка гвардейцев Рода. Надо было сперва пробежаться, здесь есть и груши, и спортснаряды. Заруливаю на площадку, тренируюсь. Чувствую, что перебарщиваю и завтра всё будет жутко болеть, но меня просто прёт. Бегом до дома и снова душ.

Завтрак хотел запросить в комнату, но не тут-то было: горничная сообщила, что Князь желает увидеть меня на совместном завтраке. В малой столовой князь и безопасник. У обоих рожи протокольные. Видно, что готовы воспитывать. Сажусь.

– Всем доброе утро.

– Ну кому доброе, а ко...

– ...му и последнее, – подхватываю я за безопасником. – Чего смурные? Чем моя скромная персона вызвала столь унылый вид лица у безмерно уважаемых мной Родовичей? – Князь аж прыснул чаем. А Исаич в голос заржал.

– Мы тебе не родовичи, – отрезал Кропоткин, – пока во всяком случае. А можем и никогда ими не стать просто потому, что завтра или через час твою глупую голову снесут на дуэли родственники тех юных особ, с которыми ты так весело проводил время прошлым вечером и ночью. Я даже не говорю о том, что прошлым утром ты едва избежал смерти, а вечером тебя уже носит по всему городу. Ты вообще соображаешь, что делаешь? Как тебе в голову пришло напоить дворянок до такого состояния и таскаться с ними по городу... – Он вскочил, пробежался по столовой, снова сел...

– Я не знал, что они дворянки. Я вообще об этом как-то не подумал, – повинился я, тем более понимая, что он прав на все сто процентов. – Меня вчера как будто черти гнали, да и сейчас... тоже... ну, типа настроение очень хорошее... Я больше не буду, – и я изобразил свою самую приветливую и честную улыбку...

Князь с безопасником переглянулись и кивнули, явно придя к одной мысли, которую озвучил Исаич.

– Ментальный шторм. – Он улыбнулся. – Парень-то не виноват, наша промашка.

– Полностью согласен, ребята. И на волне вашего раскаяния принимаю компенсации крупными купюрами. – И я наконец приступил к уже начавшей остывать каше. – Я пока поем, а то голодный как зверь, – а вы может пока просветите, что у меня там за шторм.

– Наглец он. А не шторм у него, – хмыкнул князь.

– Состояние такое, изредка бывает у поздно пробудившихся одарённых. Сходное с наркотическим опьянением, рекомендуется компенсировать усиленными физическими нагрузками и осторожными, но частыми магическими тренировками.

– В общем так, – хлопнул пухлой ладошкой по столу князь, – сейчас завтракаешь, берёшь Игната и на арену. Если жив будешь, после обеда снова туда. В промежутках тренируйся с нашими бойцами, начальнику гвардии распоряжение дам, выделит тебе инструктора. Из имения ни ногой.

– Ок. Не очень-то и хотелось, – абсолютно честно согласился я.

Через час после завтрака. Арена. Вопреки моим ожиданиям, Игнат – удивительно, но мне комфортно было называть старика именно так – не стал меня сходу истязать.

– Включай доспех. – Я выполнил команду без труда. – Сложно удерживать? Ты концентрируешься на этой задаче?

– Нет. Просто как-то само, знаю, что надо, чтоб он был, и он есть, пока не подумаю... пока не «отпущу».

– Это хорошо. Странно, но хорошо. Обычно удерживать доспех тренируются. Долго тренируются. Многие, удерживая доспех, даже разговаривать не могут, стоит отвлечься – и гаснет... Запомни, ментальный доспех – это основа владения даром. Не освоив управление доспехом, не сможешь управлять стихией, какой бы она у тебя ни была. Именно с помощью доспеха ты манипулируешь чем-либо. Если во время создания фаэрбола, к примеру, в руке ментальная оболочка исчезнет, перестанет удерживать стихию – лишишься руки. Манипулируя воздухом, допустим, создавая воздушный серп, именно ментальным полем своего доспеха ты уплотняешь стихию до бритвенного состояния. От того, насколько большой твой резерв ментала, зависит количество создаваемых тобой атак. Дальние атаки потребляют больше энергии, тут ты трастишь и на локализацию стихии, на её оформление в нужный вид атаки, а затем часть выбрасываешь вместе с атакой. Чем больше ментала ты влил в оболочку заклинания, тем дальше летит заклинание, не ослабевая. Вложишь мало ментала – и воздушный серп распадётся в шаге от тебя и красиво потреплет волосы твоего врага вместо того, чтоб снять его голову. Понял?

– Ну примерно. А где взять саму стихию?

– Подожди со стихией, не сбивай с мысли. Так вот. О чём я? Сбил всё-таки, паршивец. Пу, пу, пу. Про ранги вам в Академии расскажут, там мастера людей на категории делить... Но для понимания основное скажу. На первом ранге, называют его ученик, одарённый умеет ставить доспех, большинство так навсегда на этом ранге и остаются. Штурмовики Имперской армии все из таких, ну и прочие рядовые силовики. Ранг Воин – это владение не только доспехом, но и умение этим доспехом покрывать предметы, ну оружие, например. Ратник уже способен призвать стихию и с помощью своего ментала направить эту стихию в противника. При всём этом ратник может легко проиграть бой ученику, если ученик сможет час держать доспех, а ратник за две атаки сольёт весь ментал. На что похоже? – Старик хитро прищурился и вопросительно посмотрел мне в глаза.

– Нападение на меня в больничке. Там был ратник, который остался без ментала?

– Голова, – старик ткнул меня пальцем в лоб... и упёрся в доспех. – Ого! – Он несколько раз постучал пальцем по доспеху. – Всё это время держишь?

– Я просто забыл про него.

– Силён. Ты вот что. Не надо об этом никому говорить. А доспех носи, раз так умеешь. Чем пользуешься, то и развивается. Но не свети им. Я научу, как уплотнить и сделать его как второй кожей, одежду защищать перестанет, зато обнаружить его на тебе в быту, на улице, будет не просто. Помни главное: побеждает не ранг, побеждает умение. – Он усмехнулся. – Ну и объём ментала. Хотя, конечно, Ратнику с большим объёмом проще пострелять толпу учеников с такими же объёмами. Ладно, за дело.

Следующие два часа Игнат учил меня уплотнять доспех настолько, чтоб он перестал выходить за пределы моей кожи. Я думал, что всё-таки остановиться на границе одежды, но старик, приказав принести зеркало, быстро убедил меня, что это плохой вариант, особенно в ветер или в толпе. Ещё час потратили на избивание меня посохом, заряженным стихиями. Мы активно перемещались по арене, я даже пытался атаковать в ответ – безуспешно. Доспех держал всё, но к концу часа всё-таки бесшумно схлопнулся, напоследок остановив разряд молнии. Я бессильно осел на землю. Оказалось, что свои силы я давно потратил и держался за счёт подпитки от доспеха.

В свою комнату я буквально вполз и, похоже, вырубился прямо на полу, привалившись спиной к дверному косяку. Разбудила меня горничная, которая принесла обед. К столу я поднялся довольно бодро, а призванный доспех послушно окутал тело. За обедом переваривал полученную информацию, потом завалился на кровать, достал мобильник и немного охренел от количества пропущенных и сообщений. Все они оказались от вчерашних моих знакомцев. Они интересовались, как дела, прислали сделанные вчера совместные фото и видео (не помню). Признавались, что никогда так безбашенно не отдыхали, и предлагали сегодня встретиться. Причём это сегодня было уже через час. Думал я недолго. Обещание опекуну... Мне пятьдесят пять. Идите в жопу, подумал я про себя, ловя себя на мысли, что поступаю как типичный подросток. Ох уж эти гормоны. Ага. И ментальный шторм. И вообще пофиг, я так хочу.

Ох, ну что ж мне дома-то не сиделось...

5 ГЛАВА

Встретиться с ребятами, договорились в Летнем саду. С их слов, там классно погулять, есть летнее кафе и очень приличный ресторан, если уж совсем проголодаемся. Я слегка припозднился и какое-то время искал их, бродя среди скульптур. Кстати, статуй в «этом» саду было на порядок больше, чем в моём мире.

«Нашлись» мы у пруда с лебедями. Сегодня они были не в полном составе: две парочки и мои подружки. Парни чинно поздоровались за руку. Девчонки поприветствовали, изобразив

поцелуй в щёку. Лиза и Ольга подошли последними, косясь друг на друга и краснея, клюнули по очереди в щёку. Остальную компанию ситуация явно забавляла, и если они ещё не были в курсе наших вчерашних походов, то сейчас Лиза и Ольга не слабо так палились.

Мы покормили уток, периодически возвращаясь к воспоминаниям о «вчерашнем». Потом переместились в кафе, где я предложил познакомиться заново. Вчера было весело, но настолько пьяно и сумбурно, что, кроме общего приятного впечатления друг от друга, информации в нас усвоилось немного. Я, например, даже по именам не всех запомнил, в чём, извинившись, тут же признался. Как ни странно, это разрядило обстановку и задало тон общению.

Ивана Голицына я помнил, он торжественно представил мне свою девушку Анну Трубцкую и сидевшую рядом с ней Настю Нарышкину. Спутником Насти оказался Пётр Ушаков, ну а двух оставшихся девушек сложно было не запомнить.

– Я предлагаю выпить за знакомство, потому что не помню, пили ли мы за него вчера, – дружный смех. Сегодня заказали шампанского.

– И за наше поступление, – добавила Настя Нарышкина.

– Ура-а-а! – Постепенно неловкость ушла, ребята наперебой рассказывали о своих летних приключениях. Как оказалось, летом они виделись совсем мало: одни занимались делами семьи, постепенно вникая в родовой бизнес; другие отдыхали в загородных имениях; третьи готовились к поступлению. Я слушал, вникая и стараясь разобраться, чем дышит этот мир и его молодёжь, в кругу которой мне предстояло вращаться. Постепенно все темы свелись к поступлению в ВУЗ. И тут оказалось, что часть из ребят уже год учится в МАМ, а часть поступает в этом году. Отсутствовали сегодня как раз второкурсники, что-то там готовили для академии. О том, что я и сам туда поступаю, я почему-то промолчал.

– Детки празднуют последние дни свободы? – Двое крепких парней с военной выправкой подошли и с ухмылками рассматривали нашу компанию. На секунду повисла тишина, которую прервал Ваня Голицын.

– Что вам угодно, господа?

– Господам угодно всё. Твой род Голицин проиграл родовую войну Моему, и до сих пор платите Виру. Если мне что-то будет угодно от тебя – я тебя вызову.

Голицын покраснел, сжал кулаки но промолчал, опустив глаза, стараясь не смотреть на сидевшую рядом подругу.

– Лисовский и Юденич, – шепнула мне на ухо Ольга. – Четвёртый курс в МАМ, военная кафедра.

– Смотри-ка, мы известны, – услышал её слова один из подошедших, широкоплечий блондин с высокомерной ухмылкой и крупной серьгой в правом ухе.

– Это хорошо, перваки должны знать, перед кем пресмыкаться, – поддержал его крепыш чуть ниже ростом, но с ещё более выраженной фигурой атлета. Мышцы так и распирали его рубашку без рукавов. – Не хотите угостить старших товарищей? Навести так сказать мосты...

– А с чего вы взяли, что мы «перваки» и что нам нужны какие-то мосты? – поднялся с места Ушаков.

– Сядь на место, малыш. – Качок положил руку на плечо и буквально вдавил в кресло побледневшего от боли Петра. – Ушаков, если не ошибаюсь? Слушаем сюда, деточки. Это здесь вы графята и княжата и можете побежать к папочкам... Через две недели вы попадёте в место, где не работают ни титулы, ни денежки ваших родителей. Там вы ничто и до третьего курса будете никем. А в ближайшие два года именно от таких господ, как я и господин Лисовский, будет зависеть ваша жизнь, а может, и её продолжительность.

Я видел, как пытается активировать доспех Пётр, но Юденич держал его мёртвой хваткой, явно тоже в доспехе, и продавливал все попытки.

– Использование дара...

– Заткнись, Нарышкина, за любое лишнее слово сейчас вы будете платить неделями страданий там. Поэтому все заткнулись и слушаем. – Юденич с лицом садиста медленно отпустил свою жертву и обвёл пальцем нашу компанию.

– Жизнь несправедлива, детки, и вы скоро об этом узнаете. Как у одарённых у вас нет варианта не прибыть в Академию. А когда вы туда придёте, вам понадобятся друзья. – Он посмотрел на своего друга, как бы передавая слово тому. Лисовский не подвёл и продолжил.

– И дружбу вам придётся доказать... Услугами. Финансами. – Обведя девушек похотливым взглядом, он остановился на Юсуповой. – Ну и другими способностями. – Ольга сидела с жатыми в струну губами и горящими ненавистью глазами, из которых покатались слёзы.

– Как ты смеешь? Безродный... – взвилась было Лиза, но я остановил её, мягко коснувшись её руки.

– Тсс. Посиди. – Я видел, что вся наша компания готова броситься на обидчиков, но ничем хорошим для нас это бы не кончилось. Ни сейчас, ни тем более потом в Академии.

Я повернулся к Ольге.

– Хочешь, я их убью? – Я спросил это очень тихо, но от моего тона пробрало даже меня. Впервые в новой жизни я был настолько зол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.